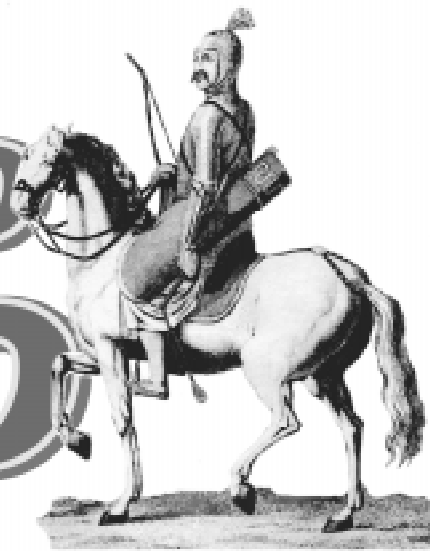

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ (выпуск 15)

Черкесское княжеское селение круговой формы: заметки к рисунку Ж. Б. Тавернье

На верхнем поле оригинального рисунка написано *Cumuhia regio*, что указывает нам на регион черкесского княжества Кремух, которое локализуется авторами XV–XVI вв. в центре Западной Черкесии – на дистанции среднего течения реки Белая и среднего течения Кубани, т.е. примерно от Майкопа до Усть-Лабинска. На карте Джакомо Гастальдо 1548 г. Кремух выходит за пределы Закубанья и занимает часть правобережья Средней Кубани (См.: Кузнецов В. А. Забытый Кремух. // Сборник русского исторического общества. Т. 4 (152). М.: Русская панорама, 2002. С. 209). На ряде карт XVII в. Кремух в виде *Cumuhia regio* отмечен как регион в западном Закубанье. Смотрите, например, карту Московии Томаса Маковиуса, относящуюся к периоду правления первого Романова – Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). На этой карте Кремух отмечен на территории исторического Натухая и Большой Шапсугии. То же самое – на карте Московии Адама Олеария, путешествовавшего по Кавказу в 1636 г.

Весьма содержательный отчет о черкесском княжестве Кремух в середине XV в. составил Иосафат Барбаро (См.: Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // АБКИЕА. С. 42; Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану // Каспийский транзит. Т. 2. М., 1996. С. 143 или § 42). В его описании впервые упоминаются субэтнические группы черкесов: собай и кевертеи. Собайские князья помнились в адыгских преданиях еще в XIX веке, а под именем кевертеев очевидно подразумевались кабардинцы. Барбаро выделяет княжество Кремух или Кремух, территориально расположенное в центральной части Черкесии. Это наименование лингвистически весьма близко к названию значительной адыгской субэтнической группы темиргоевцев (адыг. чемгуй). Русское наименование Темиргой взято из крымско-татарского произношения: на самом же деле производилось как кемиргуй, кемиркуей и соответствующие транслитерации доминировали в XVII – первой половине XIX вв. и в русских,

и в европейских источниках (См.: Spenser E. Travels in the Western Caucasus. Vol. I. L., 1838, p. 98: «Жители этой части гор в провинции Демиргой или как они проносят на своем диалекте – кемиркуей (*Keimirquahee*) укрепляют свои селения с большим рвением»; кемиргой, кеморхи, кумиргинские черкасы фигурируют в документах Посольского приказа. См.: Кабардино-русские отношения. Т. I. М., 1957. С. 90, 93, 97, 279 и др.).

Описание кремухцев и их расположение вполне подходят под тот облик адыгской культуры, который реконструируется на основе материалов Белореченской культуры. Князья Кремуха, согласно Барбаро, обладали значительным воинским, кавалерийским ресурсом и доминировали в степных пространствах правобережья Кубани. Барбаро высоко оценивает систему жизнеобеспечения жителей Кремуха – «хлеба в той стране много» – и столь же высоко отзывается о коневодстве – «у здешних жителей превосходные лошади». Военизированный образ жизни знати и антропологическая близость черкесов к итальянцам («лицом они схожи с нашими соотечественниками») – все эти черты в совокупности впечатляют воображение венецианца.

Во второй части путевых записей и воспоминаний Барбаро рассказывает о военном триумфе кремухцев и тетракосцев. Армия мусульман, «кричащих о смерти христиан согласно своей вере» из Персии через Шемаху и Дербент пришла на Терек, «вошла в Каспийские горы, где есть многие христиане – католики» и «на греческий манер», затем повернула в Черкесию и здесь устроили погром христианам «пока люди из Тетракоссы и Кремуха не сошлись с ними в рукопашную и устроили такой грохот, как будто бы сорвалась сотня ветров». Мусульманская армия потерпела поражение и бежала «в свою страну» (цит. по: Кузнецов В. А. Забытый Кремух. С. 207).

Превосходное свидетельство военно-политического статуса Черкесии и ее составлявших княжеств. При употреблении названия тетракос Барбаро мог находиться под воздействием персидского чахаркас

(четыре клана касс) или арабского джихаркас, джаркас. Не вполне уяснив себе, что чахаркас в устах персов и есть черкес татарской этнонимии, путешественник попытался совместить оба термина на одной карте. В тетракос первая часть тетра по латыни также означает четыре, не столь уж редкий элемент в названиях народов, если вспомнить готов-тетракситов в Синдике-Эвдусии (О готах-тетракситах в Зихии-Черкесии смотрите следующую литературу: Вольфрам Х. Готы / Пер. с нем. Б. П. Миловидов, М. Ю. Некрасов. СПб.: Ювента, 2003. С. 39,50; см. прим. Е. Ч. Скржинской к изд. Иордана: Иордан. О прохождении и деяниях готов. *Getica*. / Вступит. ст., перевод, коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетей, 1997. С. 198–199; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: 1979. С. 76–77; Псевдо-Ариан. Обезд Эвксинского Понта. // ВДИ. 1948. № 4. § 62–63; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 30–38; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936, pp. 30. 59. 65–69; Прокопий из Кесари. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 383; VIII (IV), 4, 9, 13).

На рубеже XV и XVI вв. знание о Черкесии в Европе серьезно обогащается благодаря выходу в свет в Венеции в 1502 году детального и талантливо написанного труда Джорджо Интериано (См.: Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКИЕА. С. 46–52). Интериано дает детальное описание территории и размеров Черкесии и также, как и Барбаро, выделяет внутри страны наиболее густо заселенную область Кромук.

Следующий значимый европейский источник о состоянии Черкесии – книга Жана Батиста Тавернье (Тавернье Ж. Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет / Пер. с фр. Е. С. Зевакина // АБКИЕА. С. 74–81). Хронологически сведения Тавернье могут быть отнесены в 30–40 гг. XVII в. У Тавернье есть великолепный рисунок резиденции черкесского князя Кремуха, которая, по всей видимости, была типичной для облика княжеских поселений всей Черкесии. Рисунок мы приводим здесь: в самом центре большой круглой площади водружен высокий шест со шкурой козла. Отметим, что именно этого животного, но не барана или быка. «Эту шкуру они растягивают на двух палках, — поясняет Тавернье, — протягиваемых от ноги до ноги, и вешают ее на шест, вбитый в землю, верхний конец которого входит в голову животного, как это изображено на рисунке. Количество шестов, вбитых в землю посередине селения, с повешенной на них шкурой, равно количеству убиваемых животных и каждый, проходя перед ними, отвечает глубоким поклоном» (Тавернье Ж. Б. Шесть путешествий. С. 77).

Здесь мы видим сочетание, по крайней мере, двух языческих культов: культа козла и культа воздушного погребения. Последнее всегда относилось к людям, но подвешивание почитаемого объекта высоко над землей явно взято из обрядности воздушного погребения. Попробуем объяснить рисунок. О культе козла у адыгов и абха-

зов известно достаточно много и этот культ держался стабильно до XIX в. Данный образ, видимо, связан с Шибле – богом молнии. Этот бог отмечал наиболее достойного человека, чье тело затем хоронили в ветвях. Именно козла резали по случаю убийства врага, поэтому периодическое водружение шкуры этого жертвенного животного посреди «ипподрома» могло означать военный триумф или какую-либо более скромную победу. Тем более вероятное объяснение, что за один раз могли водрузить несколько шкур. Может быть подобран еще ряд интерпретаций зарисовки, безусловно, языческого обряда. Сам шест мог выполнять функцию почитаемого дерева — высокие шесты втыкались в землю и в самих священных рощах, как об этом пишет Маринви в начале XIX в. Таким образом, в водружении на высоком шесте козлиной шкуры сочетается несколько важнейших элементов адыгского язычества.

Тавернье описывает очень подробно культ бога молнии в переплетении с культом козла: «Когда гремит гром, все тотчас же выходят из селения, и вся молодежь обою пола начинает петь и танцевать в присутствии пожилых людей, сидящих вокруг. Если молния убивает кого-нибудь из них, они хоронят его с почестями и считают святым, признавая такую смерть милостью бога» (Там же. С. 79). Это сообщение Тавернье перекликается с массой позднейших, но еще важнее, что оно схоже с наблюдениями Ганса Шильтбергера, которые были сделаны около 1400 г. в западных районах Черкесии (Путешествие Ивана Шильтбергера. // АБКИЕА. С. 39–40). Невероятно, чтобы Тавернье читал Шильтбергера, его труд был введен в научный оборот в XIX в. Получается полная преемственность культа молнии у адыгов с 1400 до 1860 г., которая прослеживается по письменным источникам! 500-летняя преемственность позволяет предполагать и 1000-летнюю, и 2000-летнюю преемственность традиций адыгского язычества.

Куль Шибле был естественным гораздо более обширным и многогранным, и не ограничивался почитанием избранного им человека. Как мы и предполагаем, в обычае выставлять козью шкуру на шесте, культ Шибле сочетался с культом козла. «Тотчас же после этого, — отмечает Тавернье, — посылают искать по всей стране белого козла, выбирая наиболее сильного; этот козел кормится жителями того селения, в которое ударила молния, и содержится в большом почете до тех пор, пока молния не ударит в другое место... Весной в определенный день в том селении, где находится козел, собираются все те, в дома которых ударила молния. Они берут козла, у которого на шее всегда висит сыр, обычной формы и размера пармского сыра, и ведут его в селение первого правителя области. Они не входят в него, но правитель и все жители селения выходят и простираются перед козлом. После произнесения нескольких молитв, они снимают с него сыр и сейчас же заменяют его новым. Снятый с шеи козла сыр разрезается тут же на мелкие кусочки и раздается всем присутствующим» (Тавернье Ж. Б. Шесть путешествий. С. 79). Согласитесь, очень почитаемая персона была этот белый козел. Он предстает перед нами как наместник или олицетворение Шиб-

ИСТОРИЯ СТРАНЫ АДЫГОВ

ле — недаром его встречают и провожают, стараются содержать в холе, водят из села в село, простираются перед ним ниц. Данный религиозный ритуал всенародный, торжественный и протяженный во времени. Князья участвуют в нем наравне с простолюдными. А как же иначе, если вера во всемогущество Шибле приближала воображение адыга к вере в существование Большого, Старшего Бога — Тхашхо.

Если же адыги осознавали значение козы в системе жизнеобеспечения (а нет ничего невероятного в предположении о сознательном выборе козьего мяса и молока в рационе); если эмпирическое знание, накопленное адыгскими друидами и врачевателями, достаточно обосновывало тезис об охранительных функциях козы — то тогда вполне понятен выбор белого козла в качестве представителя грозного небесного бога. Шибле в языческом восприятии хоть и считался грозным, но, прежде всего, на него взирали как на покровителя и защитника адыгского народа. Отсюда и наслоение образов, представление этого божества в виде белого козла.

Сведения Тавернье относительно религиозных предпочтений западных адыгов подтверждаются у Адама Олеария, немецкого ученого, побывавшего в Терках около 1636 г. Он упоминает номинальное принятие кабардинцами ислама, и тут же рисует нам совершенно языческую Кабарду — страну, настолько уверенную в своем язычестве, что кабардинские князья водрузили своеобразное «козье знамя» при въезде в русскую крепость Терки. «Такого рода козью шкуру мы при въезде в Терки и выезде оттуда встретили недалеко от дома княгини Бикэ; вместе с головой и рогами она (шкура. — С. Х.) была натянута на черный крест, в середине четыре раза прорезана и водружена на длинном шесте... Шест охранялся невысоким плетнем, чтобы собаки или что-либо нечистое не могли подойти и загадить святыню» (Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // АБКИЕА. С. 85). Княгиня Бикэ была матерью Муцала, царского наместника в Терках и одного из наиболее влиятельных кабардинских князей. Она же приходилась тещей персидскому шаху Сефи, но при всем том оставалась верна адыгскому язычеству. В поведении Муцала и его матери не просматривается стремления принять христианство в угоду московскому сюзеру. Нет также и намека на желание понравиться зятю, одному из главных исламских владык этого времени. Муцал не строит мечеть и не строит церковь, а водружает языческое знамя, обустройства языческое кладбище.

Олеарий описывает собственные впечатления, и мы вполне можем ему довериться. К тому же о кресте, как о самостоятельном элементе этой конструкции пишут и другие посетители Терков. Так, в 1722 г. Петр Генри Брус зафиксировал у кабардинцев подобный обычай: «высокий шест, крест, но шкура не козы, а барана. Место поклонения также огорожено изгородью. Упоминание барана сделано впервые в данном контексте, что может означать изменение состава кабардинского стада в пользу овец. Хотя и не обязательно — просто речь может идти о вырождении обычая, когда те, кто пытался ему следовать, уже не придавали особого значения виду жертвенного животного. Около 1700 г. у Витсена фигурирует коза.

Вернемся к иллюстрации Тавернье. Подтверждается ли источниками круглая форма резиденции? Да, действительно, подтверждается целой серией независимых друг от друга сообщений.

Жилищно-поселенческий комплекс Черкесии в изображении академика П.-С. Палласа в 1793 г. предстает в следующем виде: «Они строят свои дома близко один к другому, одним или несколькими кругами или четырехугольниками, таким образом, что внутреннее пространство представляет собой общий скотный двор, имеющий лишь одни ворота, а дома, окружающие его, служат как бы для его охраны. Дом узденя или князя, обычно сто-

ящий особняком, включает в себе ряд отдельных четырехугольных помещений, размером в две сажени, где помещаются гости, с камином, маленьким диваном и другой удобной мебелью. Уборные, рассеянные в поле, вырыты в земле под глиняными хижинами круглой формы. Вокруг селения стоят скирды сена и ржи, а также установлены на земле большие плетеные корзины под крышами для ссыпания обмолоченной ржи. Дома представляют собой удлиненные четырехугольники от 4 до 5 сажени длины и немного более полутора сажени ширины, плетенные из ветвей, густо обмазанных глиной. Крыши плоские, сделаны из легких стропил и покрыты камышом. Каждый дом состоит из большой комнаты для женщин и смежной комнаты для рабынь и девушек. Одна из дверей комнаты выходит на улицу; другая, расположенная в одном из углов налево от входа, выходит во двор. Внутри у передней стены устроен плетеный и обмазанный глиной очаг с дымоходом и короткой трубой. Около камина в том конце комнаты, где находится выход во двор, устроена широкая скамейка для сна или диван с резными ручками, покрытый хорошими коврами и подушками и около него окно на улицу, через которое можно войти в комнату. Над диваном и по всей стене висят на кольцах различные женские одежды, платья и меховые вещи; на перекладинах под крышей находятся заготовки из целых колосьев турецкой пшеницы или маиса, которые они обжигают на золе... Мужчины живут обычно в отдельном помещении и не любят при чужих показываться у жены. Они живут в своих селениях и домах очень чисто: они соблюдают чистоплотность также в своей одежде и в приготавливаемых кушаньях» (См.: Паллас П.-С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // АБКИЕА. С. 219).

Описание академика отличается полнотой и точностью, и это одно из лучших мест у П.-С. Палласа. Все соответствует той классической схеме, которая знакома нам по многим другим описаниям и по археологическим отчетам. О технологии и ее экологической адаптивности мы поговорим ниже, а пока нас интересует главным образом поселение в виде круга. Концентрически расположенные ряды напоминают собой военный лагерь, способный уберечь от натиска противника и население, и стадо. В описании нет намека на приусадебные участки, как это было заведено в западноадыгских поселениях (да и в кабардинских также, но видимо в более поздний период, когда отпала надобность в постоянной готовности к обороне). Кстати, западноадыгские поселения по Э. Челеби (и не только) также имеют вид укрепленных военных лагерей с земляными валами и частоколами, но такая схема реализовывалась только на равнине. В горах по-прежнему вольготное хуторское поселение, когда каждый домохозяин имел при себе еще и значительный надел леса. Как у Г.-Ю. Клапрота это отмечено для абаздехов: «Каждый имеет поля для собственного употребления и небольшой лес, который он огораживает и таким образом имеет в своем маленьком поместье маленькое пастбище для скота, дрова и пашни» (См.: Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии. // АБКИЕА. С. 239).

Итак, у адыгов было поселение в виде круга. Эвлия Челеби называет черкесские поселения «кабаками» (См.: Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. С. 26, 52, 87). Кабак по-арабски и по-турецки — «тыква». Тыква круглая, что позволяет предположить, что сама форма адыгских сел вызвала это нарицательное татарское обозначение. Ни в одном из адыгских диалектов, ни в XIX, ни в XX в., термин «кабак» не зафиксирован. Материал самого Э. Челеби также не позволяет говорить о том, что сами адыги называли свои села кабаками. Как адыгский синоним кабака Э. Челеби употребляет термин «пшуко» и расширяет его — «княжеская ставка» (Там же. С. 69, 73,

Шкура козла на кресте. Из книги немецкого путешественника Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1653 г.). Архив И. Наврузова (АРИГИ).

75). Форму тыквы могли напоминать и сами адыгские домики, круглые в сечении. Эта наиболее архаичная форма дома вполне могла быть еще в значительном употреблении, хотя в источниках описываются в основном прямоугольные строения. Мы так старательно подыскиваем семантику, связанную с формой тыквы, потому, что собственно татарские этимологические словари не дают объяснения этому термину. И сами татарские селения так не назывались (См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. СПб., 1996. С. 148; Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 239). Определенный интерес представляет старонемецкое *kaback* «ветхий дом, хибара», но пути этого крайне любопытного слова через века и народы нуждаются в самостоятельном детальном рассмотрении. Кабак в период мамлюков в арабском приобрел еще и значение «мишень», т. е. для стрельбы из лука на высоком шесте закрепляли именно тыкву, плотность которой повторяет плотность человека (См.: Ayalon D. Notes on the *Furusiyya Exercises*, and Games in the Mamluk Sultanate // *Studies in Islamic History and Civilization* / Ed. by U. Heyd. Jerusalem, 1961. P. 31–62).

Рисунок Ж. Б. Тавернье представляет нам настоящий ипподром с высоким шестом посередине — это даже не шест, а настоящая мачта. Языческий символ в виде козьей шкуры мог вполне сменяться на мишень с тыквой для состязаний. Центральная круглая площадь легко объяснима именно как круглый ипподром для выездки и тренировок с копыем и в стрельбе из лука. В противном случае форма круга не нужна и достаточно было бы квадратного загона для скота. Ипподром мог использоваться как место для собрания сельской общины (в целях отправления языческих культов и просто собраний по актуальным вопросам), как место для конной тренировки, и как загон для скота или конского табуна во время военных тревог.

В описании П.-С. Палласа дома стоят близко друг к другу, что тоже подходит под версию военного лагеря и под рисунок Тавернье. Но, в целом, такое расположение жилищ для кабардинцев, и для адыгов вообще не характерно. Кабардинские князья могли использовать такой тип поселений или как временную меру в периоды обострения междоусобных конфликтов, либо как постоянную схему для поселений по границам Кабарды в тех ее районах, которые выдавались далеко в степь или приближались к горам Дагестана. При этом поместье феодала, которое уже по своим размерам и образу жизни не могло быть втиснуто в круглую планировку размещалось вне тако-

го круга-поселения. Семейство сюзерена в момент опасности укрывалось в «круге», а сам сюзерен принимал командование местной маленькой дружиной.

Г. Гротэ, путешествуя по Западной Анатолии в 1903 г., описал характерные черкесские кабаки: «Большая часть из селений носит имена черкесских беев. По своему расположению такая деревня скорее напоминает крупную помещичью усадьбу, с различными, окружающими господский дом службами и флигелями, чем то, что мы привыкли видеть под названием деревни — ряд домов, задворки которых более или менее точно примыкают к полосам пахотной земли. Здесь посреди селения возвышается дом бея, носящий более или менее аристократический характер: обыкновенно он выстроен в два этажа, имеет просторную веранду и более тщательно обмозан известкой. Низенькие, крытые дранью глиняные хижинки его подданных окружают дом начальника со всех сторон широким кольцом. Сады и поля этих усадеб содержатся очень чисто» (См.: По Азиатской и Европейской Турции (Из книги Г. Гротэ «Auf Turkischer Erde») / Пер. О. Романовой // *Землеведение*. М., 1904. Кн. IV. С. 14–15).

Кабардинцы адаптировали свою традиционную плетенку для нужд фортификации. Два ряда высокого плетня заполнялись плотно утрамбованной землей, что давало весьма надежный заслон против конного и пешего противника. Такая стена полностью зарастала пущенной на нее колючкой, что делало или невозможным ее преодоление, или такой процесс становился крайне болезненным. Еще более интересен факт сооружения таких плетеных укреплений крестьянами на полях и в местах выпаса скотины. «Повсюду в Малой Кабарде крестьяне, — писал Г.-Ю. Клапрот, — работающие в поле, и пастухи сооружают по краям полей и пастбищ небольшие земляные укрепления с деревянными помостами для защиты от нападения. Эти сооружения, непреодолимые для горных разбойников, состоят из двойных плетеных стен выше человеческого роста, между которыми насыпана земля высотой в четыре фута и где проделаны бойницы. Обычно над всем этим имеется соломенная крыша, под которой можно хранить материал для посева, всевозможные земледельческие орудия, а также спать самому. Узкий вход обычно загорожен двухколесными татарскими арбами. Для пастухов имеются сооружения из балок, лежащих одна на другой, на четырех столбах, возвышающихся на четыре сажени над землей, которые снабжены бойницами» (См.: Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии... С. 280).

Самир Хотко.

ИСТОРИЯ СТРАНЫ АДЫГОВ

(Начало в номере от 11.08.09)

Кавертеи Иосафата Барбаро, 1452 г.

Венецианский путешественник Иосафат Барбаро в середине XV в. зафиксировал расселение кабардинцев на восток от черкесского княжества Кремух через три княжества или субэтнических подразделения: «За Кремухом обитают разные народы, в недалеком расстоянии один от другого, как то киппики, татакозцы, собайцы, кавертейцы и ас или аланы»³¹. Кремух ассоциируется с Темиргоем, учитывая адыгское название Кемирук, которое также было известно и достаточно часто фигурирует в источниках. Археологически Кремух вполне сопоставим с центром Белореченской культуры, что убедительно продемонстрировано В. А. Кузнецовым³². Версия Кузнецова поддержана Л. Э. Голубевым³³.

Если сделать отсчет от восточной границы культуры Белореченских курганов, т. е. от реки Лабы в ее среднем течении (какие территории занимали киппики, собайцы, татакозцы мы не знаем, но даже, если на каждое племя приходилась узкая полоска земли в 50—

риано говорится, что черкесские земли тянутся на восток на восемь дней пути. На наш взгляд, день пути верхом позволял преодолеть 100-километровое расстояние. Тем более, правобережье Кубани лишено рек и естественно имело торную дорогу с запада на восток Северного Кавказа. Правобережье Кубани в этот период было заселено адыгами, и часть территории Кремуха и других черкесских княжеств выходила на правый берег. Можно предположить, что жители Закубанья для более быстрой езды переплывались на правый берег, так как само Закубанье покрыто массой рек с еще более многочисленными притоками. Барбаро за три дня преодолел расстояние от Таны в устье Дона до Кремуха — это более 300 километров. Тогда протяженность Черкесии на восток в 1500 году равнялась 800 километрам и достигала пределов Малой Кабарды.

Будущая русская царица Гуашаней (Мария) родилась в семье старшего князя Малой Кабарды Темрюка Идаровича в 1545 г. Малая Кабарда включала равнинные части современных Осетии, Ингушетии и Чечни. Кто основал Малую Кабарду? В кабардинской традиции она именуется Джилах-

Инал не занял аланские пустоши в пределах хотя бы исторического Бесленея, то к чему ему понадобился поход в Абазгию? Таким образом, интерпретируя генеалогическое предание кабардинских князей, мы углубляемся по меньшей мере в XIV столетие.

Одним из важных нарративных свидетельств существования Кабарды является сообщение русских летописей о бегстве осенью 1445 г. в «Черкасскую землю» казанских царевичей Касима и Якуба, сыновей хана Улуг-Мухаммеда. Согласно русским источникам, царевичи скрывались от своего брата Махмутека, убившего отца и одного из своих братьев Юсуфа. Известно, что прежде, чем направиться в Черкесию, братья бежали в Астрахань. Переход из Астрахани в Кабарду вполне логичен. Мы знаем, что так поступали потом очень многие татарские беглецы. Вряд ли здесь речь шла о западночеркесских областях. В литературе иногда высказывается еще более смелое предположение, что царевичи нашли приют в приднепровских Черкассах. И географически, и политически сомнительный маршрут. Тем более, что в «Черкасской земле» царевичи нашли надежное убежище, здесь собрали большое войско и дви-

стом Литвы на юге. Ш. Ф. Мухамедьяров отмечает, что в случае с перемещением казанских царевичей речь шла о черкесской области, «расположенной в непосредственной близости от района Нижнего Поволжья»³⁵.

Казанские беглецы, как мы можем предположить, направились в Черкесию по двум причинам: 1) это была страна, неподвластная татарам; 2) они могли иметь с черкесами родственные отношения по женской линии либо по линии аталычества, что подтверждается многими примерами крымской и астраханской истории. Еще одно важное свидетельство того, что регион исторической Кабарды был занят адыгами — это маршрут ордынского войска в 1438 г. «Пройдя около Астрахани, — сообщает Барбаро, — они пришли в Таманские степи, затем, обогнув Черкесию, они направились к реке Дону и (Таганрогскому) заливу»³⁶. Под Таманскими степями здесь подразумеваются Тюменские степи, т. е. район, подконтрольный кумыкам Дагестана. Так он называется во многих русских и татарских источниках этого периода и позднее в XVI–XVII вв. Спрашивается, какую Черкесию так старательно могли обогать ордынцы, если не Кабарду?

На наш взгляд, неправомерно игнорировать топоним Кабарди (Cabardi), который задолго до Барбаро засвидетель-

Основание

Кабарды

70 километров, вытянутая в сторону Главного хребта), то западные пределы кабардинцев начинались в 150–200 километрах от Лабы. Так и было в последующие века.

Источник говорит, что за кабардинцами следуют аланы или асы. Действительно, за Кабардой должны были начинаться остатки аланов в лице позднее известной нам Осетии. У Инте-

станей. Гиляхстан или Джилахстан отстоит от Темрюка на три поколения и получается, что на границу с Дагестаном кабардинцы вышли еще при Барбаро. Мы вправе сделать обратный отчет до самого Инала, который похоронен в Псху после того как объединил большие территории на Северном склоне. Дорога в Псху лежит через Санчарский перевал. И, если великий

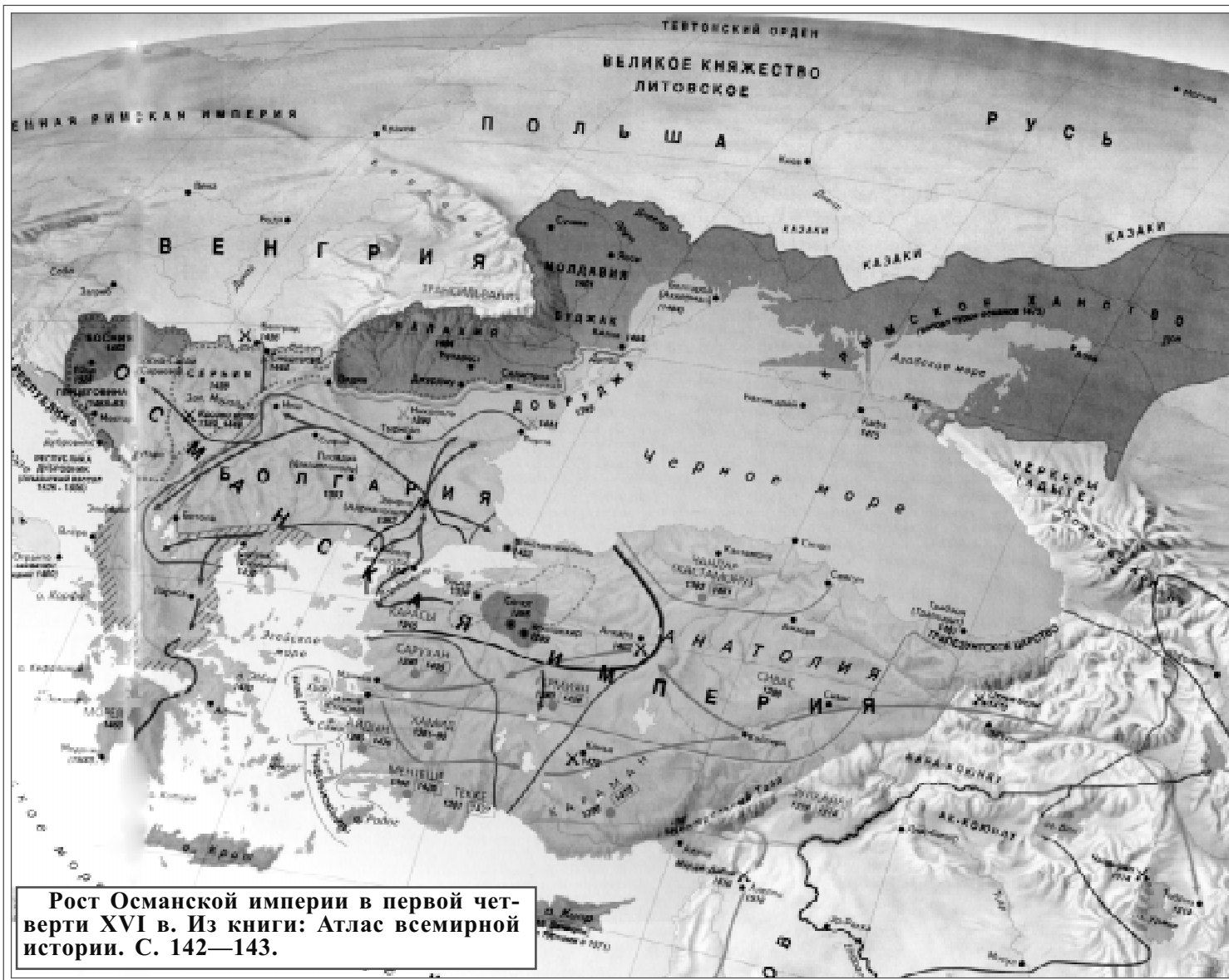
нулись на Москву, где их союзнику Василию II Темному была необходима их поддержка в возвращении трона³⁴. Само выражение «Черкасская земля» указывает на страну адыгов, тогда как Черкассы были не более, чем форпо-

ствовал существование отдельного адыгского субэтноса кабардинцев. На карте Анцелино Дульцера, составленной в 1339 г., Cabardi отмечен на месте современного Таганрога. Ранее, в 1318 г., на карте Петра Весконтта этот же пункт фигурирует как Cabali. Название Cabali указано, скорее всего, по ошибке, т. к. трудно объяснить появление очень точного совпадения с Кабарда-Cabardi через каких-то 20 лет. До 1500 г. Cabardi присутствует на всех картах³⁷. Затем, в XVI–XVII вв. это была уже дань традиции, склонность к употреблению архаичной номенклатуры. Вряд ли стоит, как это не раз уже делалось в историографии, выводить из Северного Приазовья родину кабардинцев. Другое дело, что, как и другие адыгские племена, ранние кабардинцы контролировали какие-то удобные гавани Меотиды. Cabardi — следствие проникновения сюда какой-то группы кабардинцев. Для изучения истории ранней Кабарды очень важен факт существования топонима Cabardi на картах XIV–XV вв.

Поход Витовта в Кабарду в 1412 г.

Впервые в рамках адыгской историографии мы обращаем внимание на столь важное литовское свидетельство существования Кабарды в XIV в. Помимо этого аспекта, большой интерес вызывает сам факт дальнего похода литовцев в глубинные районы Орды. Это свидетельство расширяет наше представление о политических и военных контактах ранней Кабарды.

Самое неожиданное свидетельство существования Кабарды — это сообщение о походе великого князя литовского Витовта в 1412 г. в Кабарду против «черкасов пятигорских»³⁸. Он был следствием ордынской политики Витовта, отряды которого проникали на во-

Рост Османской империи в первой четверти XVI в. Из книги: Атлас всемирной истории. С. 142—143.

ИСТОРИЯ СТРАНЫ АДЫГОВ

сток вплоть до Астрахани. Он помог Тохтамышу, его сыновьям. Известно, что Витовт вывел к себе на службу из Крыма и других областей Орды большое число татар и евреев-караимов. Последние пользовались его особой благосклонностью и несли службу в Тракае — великокняжеской резиденции. Вполне возможно, что поход в Кабарду привел к появлению в Литве каких-то кабардинских поселений. И в наши дни на карте Литвы есть поселок Кибартай³⁹. «Витовт, — пишет В. Жук, — разрешает селиться на Левобережье Днепра выходцам из Орды, недовольным ордынскими правителями. После этого похода начинается довольно интенсивная со времен Батыева разорения колонизация территории Полтавского края. Черкесские племена, которые еще задолго до похода Витовта начали селиться на Правобережье, где основали город Черкассы, теперь в значительном количестве снова прибывают в Поднепровье и обосновываются в Посулье, а частично в Поворослье»⁴⁰. По времени сообщение о походе литовцев в Кабарду близко сообщению Барбаро о кавертейцах, которое обычно считается первым свидетельством функционирования этого этнонима.

На это обстоятельство указывают сами адыгские предания о первом вхождении в Кабарду, которым предводительствовал тлеотлеш из Темир-гоя Кабарда Тамбиев, вассал князей Болотоковых⁴². Затем его успех был тут же закреплен коалицией кяхских князей во главе с Болотоко⁴³. Этообретение новой родины А. В. Гадло относит к XII в., а точнее, к его первой половине, т. е. этокский памятник, убедительно атрибутированный как адыгский, датирован 1130 г.⁴⁴ Здесь уместно привести выдержку из исследования А. В. Гадло: «Наиболее значимым свидетельством, позволяющим связывать перемещение в начале XII в. из Прикубанья в низовья Малки и Баксана отдельных адыгских групп, является так называемый “Этокский памятник” — погребальная каменная стела, изображающая мужчину-воина, на которой имеются греческие надписи и дата, указывающая на то, что стела поставлена в первой половине XII в. ...Надпись содержит не один, а два текста — греческий, датированный 1130 г., и нечитаемый (во всяком случае достоверно) адыгский. Первый сообщает о смерти “раба

нему восходила... Место культа находилось вблизи того района Кабарды, с которым по народным преданиям связано первое появление там кабардинцев, это территория их второй прародины, где, согласно преданиям, жил их предок и эпоним Кабарда Тамбиев»⁴⁵.

Очень важно, что кабардинские курганы, сохранившиеся в Осетии, называются осетинами «кашаджи уалмарт», т. е. касожские-черкесские курганы⁴⁶. Тот факт, что осетинский язык сохранил раннесредневековое название адыгов касог/кашак в форме «кагон» говорит о давности осетино-адыгских контактов. Естественно, что в XIV–XV вв., адыгское население Центрального Предкавказья, возводившее курганы, именовалось со стороны осетин касогами. Тем более, что ранняя инфильтрация сюда касогов-темиргоевцев во главе с Кабардой Тамбиевым произошла до утверждения в источниках этнонима черкес. Вайнахское население, если и знало термин касог/кашак, то прочно его забыло. Вряд ли вайнахи и адыги тесно контактировали в касожский-аланский период. Поэтому вайнахи называли кабардинские курганы черкесскими — «чергси кашбарц»⁴⁷. Они известны в 22 пунктах современной Чечни и Ингушетии. Лю-

Примечания:

31. Барбаро И. Путешествие в Тану // АБКИЕА. С. 42.
32. Кузнецов В. А. Забытый Кремук. С. 208–211, 214–215.
33. Голубев Л. Э. Еще раз об области Кремук // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 262–269. — Локализация Кремуха в Восточном Приазовье, предложенная И. В. Волковым, на наш взгляд, историко-этнографически неудачна в такой же степени, какую продемонстрировал этот исследователь в плане обшей эрудированности. См.: Волков И. В. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. С. 224–260.
34. Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 118.
35. Очерки истории распространения исламской цивилизации. М., 2002. Т. 2: Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского Халифата (Сер. XIII — середина XVI в.). С. 158.
36. Там же. С. 108.
37. Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев. С. 22.
38. Жук В. Где же произошла битва Витовта? // Дорогами тысячелетий. М., 1989. С. 176.
39. Атлас мира. М., 1999. С. 120–121.
40. Жук В. Где же произошла бит-

Основание

Иналиды — основатели или узурпаторы?

Перед нами стоит целый ряд актуальных вопросов. Во-первых, об одном Инале идет речь или о двух. Один жил в период раннего средневековья, и его деятельность связана с западными районами Зихии и Абазгии, а второй — в период Золотой Орды, и его деятельность связана с конструированием кабардинского пространства. Во-вторых, согласно кабардинскому преданию о Кабарде Тамбиеве, темиргоевском тлеотлеше, первые адыгские группы, обосновавшиеся в Кабарде, были выходцами из Темир-гоя. В этом княжестве уже правили Болотоковы, старшая ветвь Иналидов, и, соответственно, родственники тем князьям-Иналидам, которые в XVI в. правили Кабардой. Каковы западные и восточные пределы Болотоковых в рамках Зихии-Черкесии, и совпадали ли они с границами темиргоевцев? Необходимо наложить генеалогические предания на реальный исторический контекст и посмотреть, какой результат это может дать для проблемы выяснения времени основания Кабарды. В-третьих, являлись ли те князья, которые фигурируют в генуэзской переписке, Иналидами?

Ранние кабардинцы ничем не отличимы от зихов, а их князья — это зихские князья. Значит, мы можем говорить о том, что Кабарда основана зихскими князьями. И сила этих князей, их способность проводить масштабные, скоординированные акции хорошо видна на множестве примеров. Черкесские князья двигали свои дружины не только на восток, но и на запад. В XIV в. в Восперо (Керчи) правили черкесские князья, а в крымской Готии XV в. — черкесская династия⁴¹. Появление Кабарды как адыгского государства в Центральном Предкавказье есть прямая заслуга коалиции княжеских домов Зихии. А в эпицентре событий не обязательно стоял дом Инала, которому позднейшая историческая и генеалогическая традиция приписывает роль основателя.

Божия Георгия-пека” (т. е. Георгия-“бека”), а второй, хотя и не понятен полностью, но бесспорно содержит тот же титул пег/бег и упоминает некое местное имя — Туко... Исторический смысл этого памятника как источника состоит в том, что даже из его поверхностного анализа вытекает вполне определенный вывод: если в Пятигорье в конце второго десятилетия XII в. звучала адыгская речь и жили люди, владевшие одновременно и этой речью, и греческим письмом, то, значит, здесь должна была находиться в это время этническая группа, представлявшая адыгскую общность. Причем из содержания первой части надписи следует, что это, во-первых, были адыги-христиане и, во-вторых, что они возглавлялись лицом, носившим высокий тюркский титул, равноценный титулу “князь, вождь, правитель”. Место, где стоял памятник, было окружено почитанием. Весной, в середине апреля сюда сходились люди для совершения языческих обрядов, вероятнее всего, как можно судить по весьма смутным воспоминаниям о них в литературе, связанных с культом плодородия. И. Гильденштедт и Я. Потоцкий в конце XVIII в., и Ш.-Б. Ногмов в начале XIX в. слышали и зафиксировали предания об этом памятнике. Его считали надгробием местного героя Дука-бека или Дауко (Даукъуэ)... В Дука-беке видели предка, подателя плодородия и жизни, защитника общности, к которой он принадлежал и которая генетически к

Кабарды

бопытно, что адыги вышли на те самые рубежи, на которые в древности вышли племена Майкопской культуры. До формирования Аланского царства территории Осетии и Чечни были зоной этнокультурного взаимодействия адыгов и вайнахов. Затем, с крушением Алании, взаимодействие возобновилось. Но надо иметь в виду, что крушение Алании обернулось гибелью и вайнахских земель внутри Алании. Демографическое и военно-политическое состояние вайнахов в конце XIII–XIV в. не позволило им воспользоваться разгромом осетинского царства.

ва Витовта? С. 176–177.

41. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация... С. 74, 205, 215, 224–226.
42. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. С. 151.
43. Там же. С. 157.
44. Там же. С. 150.
45. Там же. С. 149–151.
46. Нагоев А. Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 18.
47. Там же. С. 34.

(Продолжение следует).

С.Х. Хотко

